

камнем» всякой теории является практическая деятельность людей. «Практика – великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли. Поэтому-то в науке ныне принята она существенным критерием всех спорных пунктов» [1, с. 185].

Чернышевский был убежден, что служить практическим целям и задачам, влияя на практическую жизнь должны и философские знания. Он полагал, что рассуждения о жизни много выигрывают в прочности и стойкости, если они возведены к общим философским принципам – материалистическим и диалектическим. Говоря о том, что философия всегда была и будет «дочерью эпохи нации», среди которой она возникает и развивается, русский мыслитель отмечал, что в ней находят вместе с тем выражение «общие стремления человечества». Нельзя забывать не только связи философских систем между собой, но также с духом времени, конкретными социальными условиями.

Н. Г. Чернышевский настойчиво подчеркивал, что в ходе истории, особенно во времена «разумного движения и борьбы, а не праздного застоя», выбор людьми позиции в практических и иных вопросах этого движения во многом зависит от «общего философского воззрения». Здесь видна попытка русского мыслителя выявить активную практическую функцию философии, которая является не только «родительницей истины», но и средством, орудием преобразования общества. Именно она позволяет исследовать материальные и нравственные условия человеческой жизни и экономические законы, управляющие общественным бытом, помогает обосновать необходимость перехода к прогрессивным общественным отношениям. Такая научная философия наиболее близка трудящимся, «простолюдным», ибо помогает им бороться против гнета и эксплуатации, уродующих и обесценивающих человека.

При этом мыслитель подчеркивал, что мало только объяснять и предвидеть общественные изменения. Главная задача состоит в том, чтобы «сознательно встретить события и управлять их ходом», т.е. всесторонне подготовиться к «встрече будущего», наступление которого неизбежно, ибо ход истории строго детерминирован и закономерен.

Список литературы

1. Чернышевский Н. Г. Сочинения: в 2 т. М., 1996. Т. 1.
2. Чернышевский Н. Г. Сочинения: в 2 т. М., 1996. Т. 2.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. М., 1975. Т. 1.

References

1. Chernyshevskiy N. G. *Sochineniya*: in 2 vol. Moscow, 1996, vol. 1.
2. Chernyshevskiy N. G. *Sochineniya*: in 2 vol. Moscow, 1996, vol. 2.
3. Gegel G. V. F. *Filosofiya religii*: V 2 T. M. 1975, vol. 1.

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЮДЕЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ А. Я. ГУРЕВИЧЕМ

Тихонова Валентина Львовна, ассистент, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, Г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: opera-15@mail.ru

В статье анализируется специфика подхода А. Я. Гуревича к исследованиям пространственно-временных представлений средневековых людей Западной Европы. Являясь продолжателем научно-исследовательской традиции французской школы «Анналов», отечественный исследователь ввел в научный оборот понятие «категории культуры», предложив теоретическое и эмпирическое обоснование концепции изучения менталитета людей средневековой эпохи посредством выявления базовых категорий их сознания. Это дает возможность адекватно понять разные сферы социальной жизни эпохи, а также объяснить особенность поведения людей исследуемой социокультурной среды. Подход А. Я. Гуревича по исследованию содержания категорий культуры основывается на выявлении целостной картины мира средневековых людей посредством обращения к изучению разнообразных факторов, влияющих на ментальность эпохи. Кроме того, целостная картина восприятия пространства и времени выстраивается в результате обращения исследователя к более ранним стадиям развития западноевропейской культуры, благодаря чему выявляются глубинные пласты сознания, влияющие на ментальность людей последующего периода (средневекового), а также с учетом взаимодействия особенностей мышления и мировоззрения образованной и безграмотной части населения.

Ключевые слова: категории культуры, ментальность, школа «Анналов», время, пространство, западноевропейская культура

THE SPECIFICITY OF SPATIOTEMPORAL REPRESENTATIONS OF THE MEDIEVAL PEOPLE OF WESTERN EUROPE BY A. Y. GUREVICH

Tikhonova Valentina L., Assistant, Astrakhan Stat University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: opera-15@mail.ru

The article analyzes the specifics of the spatiotemporal representations of the medieval people of Western Europe by A. Y. Gurevich. Being the successor of the research tradition of the French school of “annals”, a domestic researcher introduced into scientific use the term “categories of culture”, offering theoretical and empirical basis for the concept of studying the mentality of the people of the medieval era by identifying the basic categories of their consciousness. This gives you the ability to understand different areas of social life of the era, as well as to explain the characteristic behavior of the investigated socio-cultural environment. Approach A. Y. Gurevich research content categories culture is based on detecting a coherent picture of the world of

medieval people by appealing to the study of various factors affecting the mentality of the era. In addition, a holistic picture of the perception of space and time built as a result of submitting the researcher to earlier stages of development of Western European culture, thanks to which revealed deep layers of consciousness that affect the mentality of the people in the subsequent period (medieval), and taking into account the interaction of features of the thinking and worldview of the educated and illiterate part of the population.

Keywords: the categories of culture, mentality, school of "Annals", time, space, West European culture

Проблема изучения человека в гуманитарных науках остается наиболее актуальной. В начале XX столетия происходит антропологический поворот в социокультурном знании, осуществленный французскими историками школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф, Ф. Арьес, Ладюри). Представители этого направления показали посредством эмпирических исследований путь к новому изучению и пониманию истории, тесно связанной с социокультурной уникальностью эпохи, выраженной в коллективных представлениях.

Пытаясь разрешить насущные проблемы современности, историки стремились привлечь опыт людей прошлых эпох путем воссоздания их повседневной жизни во всей сложности и полноте – их привычки мыслить и чувствовать, а также выявить связи идейного мира с повседневностью. При этом они исследовали не отдельные стороны действительности, а целостное представление о жизни средневековых людей, природный и социальный мир в их восприятии, выявляли глубинные причины, лежащие в основе разного рода событий.

Творческая эволюция школы привела к более детальному и глубокому выявлению ментальности, выдвинув идею существования разных картин мира в каждой социальной страте средневекового общества, а для более глубокого проникновения в тайны человеческого сознания представители «Анналов» стали исследовать ментальности путем выделения категорий культуры (отношения людей ко времени, пространству, труду, собственности, смерти, детству, женщине, любви, браку и т.д.), составляющих в единстве ментальную структуру любого общества.

Выделяя определенную категорию и выявляя ее содержание, исследователь мог в деталях и подробностях раскрыть перед собой картину мира людей средневековья. Теперь описание ментальности производилось не в общих чертах, а с максимально возможной четкостью и конкретностью, с объяснением не только содержания категорий в сознании людей в определенный период средневековья, но и трансформацией взглядов под воздействием социокультурных факторов. При этом представители «Анналов» не употребляли термин «категории культуры», но заложили концептуальные основы его исследования.

Понятие «категории культуры» в научный оборот введено А. Я. Гуревичем и понимается как модель мира или «сетка координат, при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [2, с. 15].

А. Я. Гуревич считает, что следы категорий, находящиеся в глубинах сознания людей, следует искать в языке и таких знаковых системах, как искусство, религия, философия, наука, экономика, политика и т.д., т.е. во всех сферах человеческой деятельности. Поэтому невозможно адекватно понять ни одну из сфер социальной жизни, если не делать попыток выявить эти категории. В противном случае существует опасность исказить и осовременить историческую реальность. Категории культуры составляют основной семантический «инвентарь» культуры, поэтому они являются тем фундаментом, на котором формируются различные идеологии, убеждения, мировоззрение представителей средневекового общества или отдельных его групп.

Соответственно, содержание категорий культуры имплицитно заложено в культуре и является той базой, которая оказывает влияние на всю мыслительную деятельность, в том числе и при формировании осознанных форм мышления.

Мы продемонстрируем понимание категорий культуры А. Я. Гуревичем (предложившим как теоретическое, так и эмпирическое обоснование концепции изучения культуры посредством выявления категорий культуры) на примере базовых, системообразующих категорий «пространства» и «времени».

Проблема времени рассматривается А. Я. Гуревичем в качестве основы средневекового общества и культуры. Время «сплетено с занятиями людей и природными ритмами, в которые те были погружены» [4, с. 42], поэтому насыщенное человеческим содержанием время субъективно.

В отличие от представителей «Анналов», А. Я. Гуревич, беря за основу Скандинавскую культуру, начинает анализ категорий времени эпохи средневековья с переживания его в дохристианский период, что позволило «ярко обрисовать характеристики «варварского» мира по сравнению с христианской средневековой цивилизацией, которая сформировалась гораздо раньше на Юге и Западе Европы» [4, с. 43] и сохраняла некоторые свои черты в народном мышлении на протяжении всего периода средневековья.

Медиевист, рассматривая восприятие категорий культуры «время» и «пространство» в мифологическом сознании, обращает внимание на особенность носившего конкретно-чувственный характер мышления людей в примитивных обществах. По этой причине время переживалось в целостности, что дает возможность говорить о качестве «вневременности» [2, с. 88]. Соответственно, человек еще был не способен осознавать время, а только переживать его.

А. Я. Гуревич акцентирует внимание на том, что в сагах «приходится говорить скорее о непосредственном восприятии времени, ощущении и переживании, чем об его осознании и осмыслении» [2, с. 77]. Это связано, прежде всего, с тем, что время воспринималось не просто как цикл сменяющих друг друга поколений, но и как воспроизводящиеся в жизни родовые традиции. Доказательством данного утверждения служат древнескандинавские термины, обозначающие время, указывающие на «связь времени с человеческой жизнью» [2, с. 77]. Этим объясняется тот факт, что в саге описываются только те события, которые имеют отношение к наиболее значимым в представлении скандинавов деяниям людей, но при этом

описание событий чаще всего не связано друг с другом во времени. Следовательно, существует время деяний, которое собственно и воспринимается в качестве времени, и существует как бы отсутствие времени, когда «ничего не происходит ... и его невозможно заметить» [2, с. 78]. Такое представление о времени, связанное с деяниями людей, способствовало появлению убеждения о возможности воздействовать на ход времени, а также определять его качества. Например, уверенность в том, что если ежедневно устраивать пиры и приносить жертвоприношения, то урожай в году будет богатым. Вера скандинавов в возможность влияния на качество времени отражается в представлении о наличии у конунга магической сакральной силы, способной воздействовать на урожай в стране. Если урожай был богатым, то конунга боготворили. В противном случае конунга могли принести в жертву и ставили другого правителя.

Приведенные примеры, указывающие на веру скандинавов в возможность влиять на время, являются «определенной формой отношения к будущему» [2, с. 81], где будущее сопряжено с уже миновавшим прошлым, которое возвратится вновь. Подобное представление отвечает циклическому восприятию времени, что объясняет веру в возможность предсказывать будущее, так как оно было удалено в прошлое и мыслилось подобно удалению объекта в пространстве.

Изменения в структуре временных представлений, по мнению А. Я. Гуревича, происходят в процессе перехода от язычества к христианству, но при этом архаические пласты сознания не уничтожались, а отделились, составляя как бы «нижний пласт народного сознания» [3, с. 93]. Литургическое время подстраивается под языческий календарь. Следовательно, «аграрное время было вместе с тем и временем литургическим» [3, с. 94].

А. Я. Гуревич объясняет отмеченное представителями школы «Анналов» (М. Блоком и Ж. Ле Гоффом) отсутствие потребности средневековых людей точно знать и измерять время тем, что время являлось не событийным сельским природным временем, не нуждающимся в точном измерении. Люди еще подчинялись природе и не стремились ею завладеть.

В среде феодалов существовало родовое время, сохранившееся от архаических времен. Архаические пласты сознания, отражающие мифологическое отношение ко времени, А. Я. Гуревич обнаруживает и в рыцарских романах (например, «Романе о Розе»). Он дает характеристику аграрным (циклическим), родовым (династическим, генеалогическим), библейским (мифологическим), историческим аспектам отношения ко времени, которые в той или иной степени преобладали в сознании людей, но все входили в ментальные структуры людей средневекового общества.

Указывая на беззаботное отношение к определению точного времени людьми средневековья, А. Я. Гуревич при этом отмечает их заинтересованность в вопросах хронологии, заслуживающих внимания с точки зрения хронистов исторических явлений.

Новое восприятие времени связано с Ветхозаветной идеей «переживания времени как эсхатологического процесса» [3, с. 99]. В свою очередь, учение Нового завета предложило новое понимание времени: во-первых, оно отделялось от понятия вечности как божественного атрибута (цель жизни заключалась в стремлении перейти из времени земного в вечное существование на небесах), во-вторых, время истории разделялось на две основные эпохи (до и после рождения Христа). Теперь время становится линейным, имеющим начало и завершение. Оно отделяется от вечности как творение Бога, в связи с чем появляется новая – дуалистическая картина мира, согласно которой история является ареной борьбы добра и зла в душе самого человека.

Земная жизнь обретает смысл, только «будучи включенной в сакраментальную историю спасения рода человеческого» [2, с. 101]. Поэтому настоящее время брэнной земной жизни обесценивается, но прошедшее и будущее, включенные в сакраментальную историю, обретают ценность.

А. Я. Гуревич анализирует рассуждения представителей интеллектуальной элиты о времени (Августин, Фомы Аквинского и др.), соответствующие общим установкам христианской религии и оказывающие воздействие на ментальность людей средневекового общества, что проявилось в пессимистических взглядах на завершение истории («Концом мира»).

Августин Блаженный, стоящий у истоков философии истории, выдвинул идею о времени и пространстве, принадлежащих тварному миру и поэтому имеющих преходящий характер. Он четко разграничил божественную вечность и время переживаемых событий. Кроме того, Августин обосновал новую концепцию времени, отвергая циклическое представление времени (языческого периода), не направленное на конечную цель истории – спасение человечества.

В то же время на переживание времени оказывают влияние не только такие факторы, как отношения к природе, сохранившееся со времен варварства, и средневековые религиозно-философские представления, но и социальные факторы, на который делал упор еще Ж. Ле Гофф.

В обществе существует целый ряд социальных времен, так как каждый класс и отдельные социальные группы по-своему переживают ритм протекания времени. А причину такого неодинакового восприятия времени А. Я. Гуревич видит в различиях в структурах мышления, сформированных в разных слоях общественных групп. Все эти времена находятся во взаимосвязи и «группируются в целостную систему» [2, с. 131], образуя иерархию времен во главе с доминирующим социальным временем в обществе, находящемся в руках правящего класса, использующего его в качестве социального контроля (в этом взгляды А. Я. Гуревича пересекаются с мнением Ж. Ле Гоффа). Появление различных эсхатологических сект исследователем связывается с сопротивлением этих общественных групп господствующему классу, которое проявляется «в протесте против его контроля над временем» [2, с. 132].

Зародившийся новый социальный слой городского населения в силу производственной необходимости нуждался в более точном измерении времени. А. Я. Гуревич подчеркивает, что разрыв этого социального класса с природной средой является причиной возникновения порядка, созданного ими самими, что привело к взгляду на природу как на внешний объект.

Восприятие пространства средневековыми людьми обусловлено, по мнению А. Я. Гуревича, отношением человека к природе и его кругозором. Так же, как и Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич связывает особенность ментальности людей с ландшафтом Западной и Центральной Европы, покрытым большей частью лесами, окружавшими небольшие населенные пункты. Кроме того, немаловажную роль в восприятии пространства играло неудовлетворительное состояние средств сообщения (дорог, мостов), опасности, трудности и длительность путешествия. Поэтому в общественном сознании доминировало мировоззрение, «присущее земледельцу» [2, с. 41], ощущающему себя частью природы, но не привязанному к своему наделу, несмотря на связанность крестьянина с землей. По этой причине в Европе существовала «высокая подвижность населения» [2, с. 40], проявляющаяся в поиске более удобных для поселения мест.

Человек средневековья еще неспособен был «четко отделить себя от природного окружения» [2, с. 40]. Для подтверждения данной мысли, А. Я. Гуревич приводит в пример древнескандинавскую поэзию, где человеческое тело уподобляется частям природы. Качества человека «как индивида, как члена коллектива, с одной стороны, и качества земли, которой он владеет в составе этого коллектива, – с другой, не размежевались, переплетались в общественных представлениях той эпохи» [2, с. 40]. Кроме того, качества людей переносились не только на землю, но и на различного рода предметы. И в этом случае можно наблюдать сознание принадлежности к коллективу (семье, роду), но не отношение к земле как частной собственности. По убеждению А. Я. Гуревича, «в усадьбе земледельца заключалась модель вселенной». Данное наблюдение подтверждается результатами анализа скандинавских мифов, которые сохранили общие для всех германских народов черты верований и представлений.

В сознании людей усадьба или крестьянский двор представлялись в качестве центра – замкнутого универсума. Это явилось причиной того, что «топография занимала огромное место в сознании людей» [2, с. 43]. Например, это отражалось в имени человека, состоящего из двух частей (собственного имени и названия усадьбы). На основании этого А. Я. Гуревич делает вывод о том, что топография скандинавов насыщена религиозным и эмоциональным смыслом, и географическое пространство «представляет собой религиозно-мифологическое пространство» [2, с. 45]. Отсюда он заключает, что в топографии и географии отсутствует пространственная точность.

Такие представления наглядно проявляются и в эпоху Средних веков, несмотря на доминирующую в то время христианскую религию. Медиевист объясняет это связью с природой, которая играла в жизни людей более важную роль (удовлетворение основных потребностей), чем отношения между людьми, так как в период раннего средневековья крестьянин общался с малым числом людей, в соответствии с этим и социальные связи были относительно просты и стабильны.

Так же, как Э. Ладжори, А. Я. Гуревич отмечает факт измерения пространственных участков при помощи тела. Он объясняет это состоянием сознания, когда человек еще не противопоставлял себя природе и измерял мир «через свой собственный масштаб» [2, с. 50]. Такой способ измерения земли был неточным, но он был «единственно возможным и мыслимым для людей средних веков» [2, с. 50]. Ведь человек еще не воспринимал мир в качестве субъекта, он видел в нем качества, которыми обладал сам, не проводя четких границ между собой и вселенной. Такое представление являлось причиной отсутствия оппозиции «природа – культура» в человеческом сознании.

Для наиболее ясного понимания особенностей восприятия пространства средневековыми людьми историк рассматривает категории микрокосма и макрокосма как «малой» и «большой» вселенной, где микрокосм, как человеческий организм, подобен макрокосму, а не представляет собой часть от целого. Это является причиной наличия большого количества «сумм», этимологий, энциклопедий в которых находила отражение идея мира как единого целого.

А. Я. Гуревич рассматривает изменения в представлении понятия «космос» со времен античности до средних веков. Античный космос представлял целостность и гармонию, в Средние века мир воспринимается людьми дуалистично. Причину подобных трансформаций ученый усматривает в мировоззрении, исходящем от христианской религии, с ее идеей земного (греховного) мира в противоположность миру божественному (Августин Блаженный «Град земной и Град Божественный»). И только к XII в. люди начинают проявлять интерес к изучению природы, которая стала осознаться в виде зеркала, в котором сокрыт божественный образ. Это являлось причиной символического восприятия действительности, поэтому медиевист уделяет большое значение анализу средневековой символики, выражающей незримое, но умопостигаемое через видимое материальное.

По мнению А. Я. Гуревича, недифференцированными были не только отношения человека к природе, но и к миру земному и сверхчувственному, которые объединялись в «единый географический план» [2, с. 51]. Данное представление объясняет соединения земного и небесного в центре мира, являющегося раем на земле.

Медиевист считает, что предложенные Аристотелем, Бедой Достопочтенным, Гонорием Августодунским представления о вселенной оказали влияние на понимание соотносительности земного мира с небесным. В вещественно-наглядной форме данные представления отражаются в живописи, изображающей «небесные силы» на земле. Низ и верх, как антитезы в сознании средневековых людей, под воздействием религиозно-моральных представлений, смешиваются воедино с «географическими сведениями и библейскими мотивами» [2, с. 66], при этом «пути земные как бы сливались с путями к богу, и система религиозно-этических ценностей накладывалась на ценности познавательные, подчиняя их себе, ибо для человека того времени представления о поверхности земли по своей значимости не шли ни в какое сравнение с учением о спасении души» [2, с. 66]. При этом географические знания черпались либо из античной литературы, либо из фантастических рассказов путешественников (паломников и купцов) о дальних странах, поэтому обладали большой неточностью.

А. Я. Гуревич отмечает, что с принятием христианства изменяется представление о структуре пространства, которое иерархизируется (согласно учению Псевдо – Дионисия Ареопагита), что приводит к отношениям, стремящимся вверх по вертикали.

Идею о едином устройстве вселенной историк усматривает в структуре христианского собора, «каждая деталь которого должна дать полное представление об устройстве мира» [2, с. 64]. Причину восприятия мира при помощи символов можно объяснить неспособностью неграмотной части населения мыслить абстракциями. Символы архитектурных образов представлялись единственно возможным способом осознания устройства мира, и эти образы отражали религиозно-политическую мысль.

В «видениях» – жанре средневековой словесности – зафиксированы хождения в царство мертвых, где описываются разные отсеки потустороннего мира, по которым странствует временно умерший (ад, чистилище, рай). А. Я. Гуревич считает возможным в этом жанре литературы выделить и другой аспект времени – эсхатологический. Страшный Суд осуществляется сразу после кончины отдельного человека, что идет вразрез с учением церкви о Страшном Суде, который должен свершиться после второго пришествия Христа. Однако идея Страшного Суда после окончания времен неизбежно присутствует в сознании средневековых людей [3, с. 160], что отражается в проповедях священников, постоянно напоминающих о конце времен и связанных с ними событиях.

Противоречие в решении вопроса о времени совершения Страшного Суда возникает не только у современных исследователей, пытающихся понять отношение средневековых людей к смерти и загробной жизни, но содержится «в сознании самого средневекового человека» [5, с. 142]. Поэтому исследование данной проблемы дает возможность выявить ментальные структуры средневекового общества.

Идея «великой» и «малой» эсхатологии изначально присутствовала в христианстве, так как Евангелие содержит упоминание о них обеих. Но первые христиане ощущали себя живущими накануне возвращения Христа, ожидая его пришествия со дня на день, поэтому две указанные эсхатологии не находились в противоречии. Разрыв между ними произошел позже, когда идея Конца Света оказалась «отдаленной перспективой» [1, с. 257].

Проблема пространственно-временного континуума также затрагивается в жанрах словесности, предназначенных для большинства прихожан в VI–VIII вв., и связана с оформлением идеи чистилища в потустороннем мире. Первоначально функции чистилища выполняли отдельные отсеки ада. Поэтому А. Я. Гуревич уверен, что идея чистилища зародилась в рамках народной культурной традиции, под напором которой, отвечая потребностям верующих, в официальный католицизм было введено богословами чистилище. Ведь в видениях VIII в. уже упоминалось место в потустороннем мире, где души претерпевали очищение после смерти. Разница между миром живых и миром мертвых состояла в том, что ад и рай принадлежали вечности, тогда как земной мир конечен и подвластен времени» [1, с. 249]. С появлением чистилища в системе загробного мира зарождается время, ставшее причиной сближения обоих миров. Таким образом, человеческое сознание стремилось подстроить под привычное для себя восприятие протекание жизни в потустороннем мире.

Если в ранних христианских церковных учениях отмечалось, что живые не имеют возможности общаться с усопшими в иной мир, то к XII в. появляется большое количество литературы для простых верующих, в которой описываются взаимодействия между жителями обоих миров. Этот факт подтверждает влияние народных представлений на трансформацию идей официального богословия.

Таким образом, на основе исследования содержания категорий времени и пространства средневековой эпохи А. Я. Гуревича можно выделить следующие факторы пространственно-временных интерпретаций, свойственные западноевропейской средневековой культуре:

1. Природный универсум – макрокосм подобен микрокосму; усадьба земледельца – модель вселенной; отсутствие четких границ между собой и вселенной; отсутствие оппозиции природа-культура в сознании людей; с XII в. природа – зеркало, в котором сокрыт божественный образ – символическое восприятие действительности.

2. Географический – лес, дороги; географическое пространство представляет собой религиозно-мифологическое пространство.

3. Социальный – различная структура мышления в разных социальных слоях – ряд социальных времен, образующих целостную систему (иерархию времен).

4. Религиозный – эсхатологический (в том числе две противоречивые эсхатологии, когда первый Суд должен был вершиться в конце времен, второй – сразу после смерти человека); христианская религия влияла на восприятие природы людьми, видевшими в ней относительную ценность по сравнению с абсолютной ценностью Бога и человеческой души; с принятием христианства структура пространства иерархизируется по направлению вверх.

5. Политический – определение правящим классом доминирующего социального времени, использующего его в качестве социального контроля над обществом.

6. Аксиологический – ценность культа предков – героизация прошлого.

А. Я. Гуревич дает характеристику времени:

А) аграрного (циклического): не событийное сельское природное время; аграрное = литургическое время; конкретно-чувственный характер мышления → вневременность → ощущение настоящего времени;

Б) родового (генеалогического, династического): человеческое содержание времени; архаическое → родовое время, время деяний = жизнь;

В) библейского (мифологического): время христианского мифа; время языческого мифа; сакральное время; земное время; Ветхозаветное → эсхатологическое время;

Г) исторического: беззаботное отношение в определении точного исторического времени; эсхатологическое время → линейное время; сакраментальная история = прошлому, будущему.

Как видно из выявленных нами факторов пространственно-временных интерпретаций, многообразные факторы пространственно-временных интерпретаций А. Я. Гуревич подходил к решению этой проблемы многополярно, что приводит к наиболее целостному определению глубинных пластов сознания людей средневековья.

Целостная картина восприятия пространства и времени выстраивается в результате обращения исследователя к более ранним стадиям развития западноевропейской культуры, благодаря чему выявляются глубинные пласты сознания, влияющие на ментальность людей последующего периода (средневекового), а также с учетом взаимодействия особенностей мышления и мировоззрения образованной и безграмотной части населения.

Список литературы

1. Гуревич А. Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. СПб.: Alexandria, 2009. 492 с.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1984. 285 с.
3. Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
4. Шмидт Ж. -К. А. Я. Гуревич и «категория» времени // Образы прошлого: сборник памяти А. Я. Гуревича / под ред. С. Я. Левит. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 42–56.
5. Gurevich A. Approaches of the “Annals School” From the History of Mentalities to Historical Synthesis. From the History of Mentalities to Historical synthesis // Scandia. 2008. Vol. 58, № 2. P. 141–150.

References

1. Gurevich A. J. *Individ i cocium na Srednevekovom Zapade* [The individual and society in the Medieval West]. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2009, 492 p.
2. Gurevich A. J. *Kategorii srednevekovoi culture* [Categories of Medieval Culture]. Moscow, Art Publ., 1984, 285 p.
3. Gurevich A. J. *Srednevekovyi mir: kultura bezmolstvuyushchego bolshinstva* [The medieval world: the culture of the silent majority]. Moscow, Art Publ., 1990, 396 p.
4. Schmid. A. J. Gurevich i “categoria” vremeni [A. J. Gurevich and “category” of time]. *Images of the Past: Memory Collection Gurevich A. J.* St. Petersburg, 2011, pp. 42–45.
5. Gurevich A. Approaches of the “Annals School” From the History of Mentalities to Historical Synthesis. From the History of Mentalities to Historical synthesis. *Scandia*, 2008, vol. 58, no. 2, pp. 141–150.